
Елена К.
Дело Уютного уголка

Елена К.

Дело Уютного уголка

«Автор»
2026

К. Е.

Дело Уютного уголка / Е. К. — «Автор», 2026

«Уютный уголок» — маленький отель, ставший домом для тех, кто в нём работает. Но за фасадом спокойствия прячутся старые тайны, опасные махинации и чужие амбиции. Когда над отелем сгущаются тучи, именно Марина замечает то, что ускользает от других: странную подпись, подозрительный чек, тень на записи камеры. Шаг за шагом она распутывает клубок обмана, спасает репутацию «Уютного уголка» и возвращает семье правду о пропавшем брате. Это не просто расследование — это история о том, как дом защищают не стенами, а сплочённостью, вниманием к деталям и верностью друг другу. В финале Марина выбирает свой путь — и идёт учиться на детектива, ведь её дар — видеть невидимое — способен помочь многим. Тёплая атмосфера, живые персонажи, кот Барсик и напряжённая интрига — всё, что нужно для идеального уютного детектива.

© К. Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Труп, пирог и один очень настойчивый кот 6
Глава 2. Горничная всё знает, а гость боится пирожных 9
Глава 3. Каждый по кусочку — а картина всё страннее 12
Глава 4. Дама с претензиями и тенью за спиной 15
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Елена К.
Дело Уютного уголка

Все персонажи, места и организации, описанные в этой книге, являются плодом авторского воображения. Любые совпадения с реальными людьми, существующими локациями или действующими компаниями абсолютно случайны и не имеют под собой никакой фактической основы. Данная история — художественный вымысел, созданный для развлечения читателя.

Глава 1. Труп, пирог и один очень настойчивый кот

Я приехала в «Уютный уголок» не для того, чтобы находить трупы. Я приехала, чтобы спасти репутацию тёти Лиды и накормить её гостей пирогами, которые, по моему скромному мнению, могли бы примирить даже враждующие фракции на семейном ужине. Но жизнь, как известно, любит подкидывать сюрпризы. Причём не в подарочной упаковке, а в мятом целлофане, да ещё и с пятном от кофе.

«Уютный уголок» — это такой бутикотель, где слово «бутик» означает «дороговато для этой улицы», а «отель» — «тут можно переночевать, если не боишься, что люстра упадёт на голову». Тётя Лида купила его на волне оптимизма и трёх бокалов просекко, а теперь держалась за него, как кошка за занавеску: когти в дерево, глаза круглые, а отпускать страшно.

Я поставила коробку с пирожными на стойку администратора и огляделась. В холле пахло ванилью, полиролью и лёгкой паникой — фирменный аромат любого места, где пытаются казаться дороже, чем есть.

— Тётя, ты где? — крикнула я, и мой голос эхом отскочил от стены, задел люстру, вернулся и шёпотом добавил: «А вдруг она не хочет тебя видеть?»

Изза дивана показалась тётя Лида. Бледная, как первый снег в октябре, и такая же хрупкая. Она теребила пуговицу на кардигане — старую, вязаную, с крошечной дырочкой, которую я зашила ещё в прошлом году, а она снова распустилась.

— Лидочка, что случилось? — я шагнула ближе и тут заметила его.

На полу, у журнального столика, лежал мужчина в сером костюме. Глаза закрыты, поза неестественно ровная, будто он позировал для каталога «Строгий стиль для деловых людей», но фотограф кудато вышел. И не дышал.

— Я его не трогала, — прошептала тётя. — Только хотела поправить плед, а тут… он.

Я глубоко вдохнула. Паника — плохой помощник в расследовании, особенно если ты пекарь, а не детектив. Но паника всё равно подкралась, села на плечо и прошептала: «А вдруг это изза пирогов?»

И тут изза дивана вынырнул Барсик. Мой кот. Мой личный инспектор по всем вопросам, кроме дисциплины. Он подошёл к мужчине, понюхал ботинок, потом задумчиво посмотрел на меня, будто спрашивал: «Это новый гость? Или можно не здороваться?» А потом громко, требовательно мяукнул — так, что даже люстра вздрогнула.

— Барсик! — шикнула я. — Это не закуска!

Кот обиженно фыркнул, но тут же заинтересованно уставился на коробку с пирожными. Потому что Барсик — существо прагматичное: трагедия трагедией, а обед по расписанию.

— Так, стоп, — я тряхнула головой, чтобы вытрясти из неё лишние мысли. — Сначала полиция. Потом будем разбираться, кто тут что трогал.

Я потянулась к телефону, но замерла. Рядом с мужчиной на полу лежал кусочек пирога. Моего пирога. Того самого, который я пекла с утра, когда за окном ещё было темно, а соседи сверху уже репетировали чтото громкое и ритмичное. И на этом кусочке был след от чужого зуба. Не просто надкушен — именно след, будто ктото попробовал и… не доел.

Это было обидно. До глубины души.

— Тётя, скажи честно, — я посмотрела на Лиду. — Ты давала ему пирог?

— Да ты что! — всплеснула руками тётя. — Я даже не знала, что он тут! Я только вышла из подсобки, а он уже… лежит.

— А кто знал, что он тут? — спросила я, оглядывая холл. Стойка администратора, диванчик, журнальный столик, ваза с сухоцветами, которые уже лет пять как перестали быть цветами, и… да, коробка с пирожными, к которой Барсик подбирался с видом заговорщика.

В этот момент дверь скрипнула, и в холл вошёл Олег, администратор. Высокий, худощавый, с вечной тенью усталости под глазами и способностью появляться в самый неподходящий момент.

— Что тут у нас? — спросил он, оглядывая сцену. И тут же побледнел, увидев мужчину на полу. — Ой.

— Не «ой», а «вызывай полицию», — скомандовала я. — И не трогай ничего. Особенно пирог.

Олег послушно достал телефон, но тут Барсик, решив, что внимание слишком долго уходит не на него, прыгнул на стойку, зацепил когтем край коробки и потянул её к себе. Пирожные покатились, как маленькие круглые беглецы.

— Барсик, прекрати! — я схватила кота, прижала к себе, чувствуя, как он вибрирует от возмущения. — Мы не устраиваем дегустацию на месте преступления!

Тётя Лида тихо всхлипнула. Олег чтото бормотал в телефон, пытаясь одновременно объяснить диспетчеру, где мы находимся, и не смотреть на тело. А я стояла посреди этого хаоса с котом под мышкой и коробкой пирожных в другой руке и думала: «Ну вот. Приехала спасать репутацию отеля. А теперь придётся спасать ещё и себя — от подозрений».

Потому что, если подумать, пироги были только у меня. И кусочек с отпечатком зуба — тоже. И если полиция решит, что это не совпадение, а мотив… то моя карьера пекаря может закончиться раньше, чем я успею испечь новый торт.

Но тут Барсик вывернулся, спрыгнул на пол, подошёл к телу, снова понюхал ботинок — и вдруг подцепил чтото когтем. Маленький кусочек бумаги. Или этикетки. Или… чегото.

— Барсик! — я бросилась к нему, но кот уже тащил находку к дивану, гордо подняв хвост. — Положи! Это улика!

Барсик посмотрел на меня с таким видом, будто хотел сказать: «Я нашёл. Значит, моё».

— Отдай, — я присела перед ним, стараясь говорить спокойно, хотя внутри всё дрожало. — Пожалуйста. Это важно.

Кот моргнул. Потом положил кусочек бумаги у моих ног. И сел рядом, будто ожидая похвалы.

Я подняла находку. Это была маленькая бумажка, мятая, с едва различимым текстом. Чтото вроде чека или этикетки. На ней было написано: «Не для гостей». И дата — сегодняшняя.

— Откуда это у него? — прошептала тётя, заглядывая мне через плечо.

— Понятия не имею, — ответила я, разглядывая бумажку. — Но теперь у нас есть зацепка. И, возможно, мотив.

Потому что если ктото специально не хотел, чтобы гости это ели… а этот мужчина всё же съел… то, может быть, он и стал жертвой.

Или я просто слишком много смотрю детективов.

Но пирогто был мой. И след от зуба — на нём. Так что разбираться придётся. Даже если для этого придётся вести расследование с котом в качестве главного помощника.

— Ладно, — сказала я, поднимаясь. — Полиция едет. А пока… давайте не будем трогать ничего. И особенно — пироги.

Барсик обиженно мяукнул, будто я только что запретила ему дышать.

— Прости, — вздохнула я. — Но сейчас не время для перекусов. Сейчас время для… правды. Какой бы странной она ни была.

И я посмотрела на тело, на коробку с пирожными, на тётушку, которая всё ещё теребила пуговицу, и на Олега, который наконец закончил разговор с диспетчером и теперь стоял, опустив руки, будто не знал, куда их деть.

В холле снова стало тихо. Только тикали часы. И Барсик тихо мурлыкал, будто пытался успокоить всех нас.

А я подумала: «Ну что ж. Похоже, пироги придётся отложить. А вот расследование — начать прямо сейчас».

Глава 2. Горничная всё знает, а гость боится пирожных

Когда приехала полиция, холл «Уютного уголка» уже напоминал сцену из комедии положений: тётя Лида пыталась незаметно спрятать вазу с сухоцветами (будто это улика), Олег нервно поправлял бейдж, а Барсик сидел на коробке с пирожными и смотрел на всех так, будто это он тут главный следователь.

— Не трогайте ничего, — строго сказал полицейский, молодой, но старающийся выглядеть сурово. — И особенно — еду.

«Особенно еду» прозвучало так, будто он уже мысленно записал пироги в вещественные доказательства. Марина сжала кулаки: её пироги — улики? Да это почти личное оскорбление.

И тут дверь подсобки резко распахнулась, и в холл вылетела Зинаида Петровна — горничная. Средних лет, в форменном фартуке, с тряпкой в одной руке и таким взглядом, будто она только что поймала кого-то на краже полотенец и готова устроить публичный разбор полётов.

— Так, — громко сказала Зинаида Петровна, оглядывая сцену. — Я так и знала. С утра чуяла: не к добру этот мужчина. Ходил туда-сюда, заглядывал в номера, будто искал, где бы спрятаться. А теперь лежит. И кто будет пол мыть?

— Зинаида Петровна, — попыталась вставить тётя Лида, — тут, вообще-то, полиция…

— Полиция, не полиция, — не сбавляла оборотов горничная, — а пол мокрый не должен быть. И пыль на полках — тоже. Я вам не волшебница, чтобы за всеми подтирать.

Полицейский кашлянул: — Гражданка, вы что-то заметили?

Зинаида Петровна приосанилась, будто ждала этого вопроса всю жизнь: — Ещё бы! Он в подсобку заглядывал. Я как раз швабру доставала, а он — бац! — и нос туда. Я ему: «Вам что, инвентарь нужен?» А он: «Нет-нет, просто посмотреть». Ага, посмотреть. У нас тут не музей.

Марина переглянулась с тётей: подсобка — это рядом с кухней, где хранились продукты и… да, где стояли коробки с пирогами.

— А вы не видели, — осторожно спросила Марина, — он к еде подходил?

— К еде? — Зинаида Петровна прищурилась. — К той коробке, что у вас на стойке? Видела. Протянул руку, будто хотел взять пирожное, а потом передумал. И ушёл. А через полчаса — лежит.

Барсик, услышав слово «пирожное», оживился и требовательно мяукнул.

— Тише, Барсик, — шепнула Марина. — Сейчас не время.

Но кот был другого мнения. Он спрыгнул с коробки, подошёл к Зинаиде Петровне, потёрся о её ногу и уставился на тряпку, будто надеялся, что из неё выпадет кусочек курицы.

— И ещё, — добавила горничная, понизив голос, — у него в кармане что-то звенело. Как будто ключи. Или монеты. Я не присматривалась, но звук был такой… металлический.

Полицейский записал. Марина мысленно добавила: «Металлическое» — это уже что-то. Может, брелок? Или… ключ? От номера? От подсобки?

В этот момент из дальнего угла холла раздался голос:

— Я знал! Я знал, что меня хотят отравить!

Все обернулись. У окна стоял мужчина лет пятидесяти, в дорогом пальто, с таким выражением лица, будто он только что разоблачил заговор мирового масштаба. Это был Аркадий Семёнович — гость, приехавший на корпоратив, и, судя по всему, самый подозрительный постоялец отеля.

— Меня! — повторил он, тыкая пальцем в воздух. — Я с самого утра чувствую: что-то не так. Кофе горький. Вода странная. Даже воздух… какой-то тяжёлый.

Олег, администратор, вздохнул: — Аркадий Семёнович, мы меняем фильтры в вентиляции каждую неделю.

— Фильтры не спасут, если кто-то подсыпает яд! — не сдавался гость. — А теперь вот он лежит! И я следующий!

Марина посмотрела на него и вдруг поняла: этот человек может быть не просто комичным персонажем. Он мог видеть что-то важное — просто интерпретировал всё через призму своей паранойи.

— Аркадий Семёнович, — спокойно сказала Марина, — а вы не заметили ничего… необычного? Ну, кроме вкуса кофе.

Гость на секунду задумался, будто взвешивал, стоит ли делиться информацией: — Видел. Видел, как этот мужчина — тот, что сейчас лежит, — разговаривал с кем-то у лестницы. Тихо так, почти шёпотом. Я как раз спускался, хотел попросить ещё одну подушку, а они замолчали, как только меня увидели.

— С кем разговаривал? — быстро спросила Марина.

Аркадий Семёнович почесал подбородок: — Не знаю. Человек в тёмном. Или в сером. Или… я не разглядел. Но точно не из наших. У нас все в деловых костюмах, а этот был… проще. Как будто курьер. Или разнорабочий.

Зинаида Петровна хмыкнула: — Курьер? У нас курьеры не ходят. Только доставка еды, и то через ресепшн.

Тётя Лида вдруг побледнела ещё сильнее: — Подождите… А ведь у нас сегодня должна была быть доставка чистящих средств. Я заказывала. И курьер должен был зайти…

Марина почувствовала, как внутри всё сжалось. Курьер. Подсобка. Мужчина, который заглядывал туда. И кусочек пирога со следом зуба.

— Тётя, — тихо сказала она, — а ты заказывала что-то ещё? Кроме чистящих?

Лида покачала головой: — Только средства. Но… курьер должен был оставить пакет у двери подсобки. Я сама так сказала: «Оставьте у двери, я потом заберу».

— А если он не оставил? — прошептала Марина. — Если кто-то забрал пакет… и подменил что-то?

Барсик, будто почувствовав напряжение, подошёл к Марине, уткнулся носом в её ногу и тихо замурлыкал. Как будто говорил: «Не волнуйся. Мы разберёмся. Ну, или хотя бы съедим пирожное».

Полицейский, который всё это время записывал показания, наконец поднял глаза: — Значит, у нас есть свидетель, который видел разговор, есть человек, который заметил, что погибший интересовался подсобкой, и есть… кот, который нашёл улику.

Он посмотрел на Барсика, будто сомневался, стоит ли вносить его в протокол.

— Да, — кивнула Марина, — и ещё у нас есть пирог. И след от зуба. И бумажка с надписью «Не для гостей».

Она достала из кармана ту самую мятую бумажку, которую нашёл Барсик, и протянула полицейскому.

Тот взял её, повертел в руках: — «Не для гостей»… Интересно. А где вы это нашли?

— Кот нашёл, — честно сказала Марина. — У тела.

Полицейский вздохнул, но не стал спорить. Видимо, в его практике и не такое бывало.

А Аркадий Семёнович вдруг подошёл ближе и прошептал: — Вы думаете… это из-за еды?

Марина посмотрела на него — и вдруг увидела не просто эксцентричного гостя, а человека, который действительно боится. И, возможно, не без оснований.

— Пока ничего не думаю, — ответила она. — Но проверять будем всё. Даже кофе.

Зинаида Петровна снова хмыкнула: — Кофе я сама варила. Никакой отравы. Только три ложки сахара, как вы просили.

Аркадий Семёнович на секунду задумался: — Три ложки… А вдруг это слишком много? Вдруг сахар — это маскировка?

Марина едва сдержала улыбку. Но в глубине души подумала: «А вдруг он прав? Вдруг всё не так просто?»

Барсик тем временем подошёл к коробке с пирожными, сел рядом и уставился на Марину так, будто говорил: «Ну же. Один кусочек. Для храбрости».

— Нет, Барсик, — вздохнула она. — Сейчас нельзя.

Кот обиженно фыркнул, но тут же переключился на Олега, который стоял рядом и нервно теребил край стойки.

— Ладно, — сказала Марина, оглядывая всех: тётю, администратора, горничную, гостя и полицейского. — Давайте сделаем так. Вы рассказывайте всё, что помните. Даже мелочи. А я… я пока подумаю, что делать с пирогами. И с тем, что написано на этой бумажке.

Потому что «не для гостей» — это звучало как предупреждение. Или как угроза. И если кто-то не хотел, чтобы гости ели что-то… а погибший всё же съел… то, возможно, он стал не случайной жертвой.

А значит, надо выяснить, что именно было в том пакете. И кто его забрал.

Глава 3. Каждый по кусочку — а картина всё страннее

Марина стояла у стойки, смотрела на коробку с пирожными, как на врага, и пыталась собрать в голове всё, что наговорили за последние полчаса. Получалась не картина, а пазл, где половина деталей — от другой коробки: курьер, бумажка «Не для гостей», разговор у лестницы, взгляд Зинаиды Петровны, когда она упомянула подсобку… и Аркадий Семёнович, который теперь сидел на краешке дивана и шептал: «Я же говорил».

Барсик, не терпевший, когда на него не обращают внимания, боднул Марину в лодыжку и выразительно посмотрел на коробку.

— Нет, — твёрдо сказала Марина. — Это улика. Даже если выглядит как «просто пирожное».

Полицейский, которого звали Андрей Викторович, вздохнул и потёр переносицу: — Значит, резюмирую. Погибший заглядывал в подсобку. Видели это вы, Зинаида Петровна. Видели разговор у лестницы — вы, Аркадий Семёнович. Заказ чистящих средств — вы, Лидия Сергеевна. Бумажку у тела нашёл кот. И кусочек пирога со следом зуба — тоже тут.

Тётя Лида кивнула, будто боялась, что если перестанет кивать, то всё рассыплется: — Да. Всё так.

Андрей Викторович посмотрел на бумажку ещё раз: — «Не для гостей». Это может быть маркировка товара. Или предупреждение. Или… шутка. Но шутки сейчас неуместны.

Зинаида Петровна фыркнула: — Шутки? У нас тут не цирк. У меня сегодня ещё три номера убирать, а тут труп посреди холла. И знаете, что я ещё вспомнила? — она прищурилась, будто сама удивилась, что помнит. — Когда курьер приходил, я как раз шваброй пол мыла у лестницы. Он пакет у двери подсобки оставил, как и просили. А через пять минут пакета уже не было. Я ещё подумала: «Лида, что ли, забрала?» А Лида говорит — не брала.

Марина подняла голову: — То есть пакет кто-то забрал? Прямо из-под носа?

— Прямо, — подтвердила Зинаида Петровна. — И не просто забрал. Ещё и дверь подсобки приоткрыл, заглянул, потом закрыл. И пошёл.

— А как он выглядел? — быстро спросил полицейский.

Горничная пожала плечами: — Обычный. В серой куртке, капюшон чуть надвинут. Не высокий, не низкий. Таких сотни по городу ходят. Но… — она помолчала, будто решала, говорить или нет, — у него на рукаве была нашивка. Какая-то надпись. Не разглядела. Но точно была.

Марина мысленно отметила: «Нашивка. Курьерская служба? Или что-то своё?»

Аркадий Семёнович вдруг выпрямился: — Нашивка! Да! Я его видел! Тот самый человек в сером, с которым погибший у лестницы разговаривал! У него на рукаве что-то белело. Я тогда подумал — ну, рабочий какой-то. А теперь…

Он замолчал, и в холле стало тихо, только часы тикали, да Барсик скреб коробку, будто пытался открыть её силой мысли.

— Стоп, — Марина подняла руку, как учительница, которая пытается утихомирить класс. — То есть получается: курьер принёс пакет. Пакет исчез. Потом погибший заглядывал в подсобку. Потом он ел пирог. И умер. А бумажка «Не для гостей» лежала у него.

Андрей Викторович кивнул: — Логично. Но пока это не доказательство, а цепочка совпадений.

Тётя Лида вдруг тихо сказала: — А ещё… я вспомнила. В заказе были не только чистящие средства. Там была ещё одна позиция. Маленькая бутылочка. Для обработки швов между плитками. На ней как раз было написано: «Не использовать в зоне приготовления и приёма пищи». И наклейка: «Не для гостей». Я её специально заказала, потому что у нас в подсобке плесень появилась.

Марина почувствовала, как внутри всё сжалось: — То есть эта бутылочка… она должна была быть в пакете?

— Должна, — кивнула тётя. — Но когда я сегодня вечером пошла искать, её там не было. А остальные средства были.

— А что в этой бутылочке? — спросил полицейский.

Лида беспомощно посмотрела на него: — Я не читала состав. Просто взяла по совету знакомого. Но там было предупреждение… и эта наклейка.

Марина посмотрела на кусочек пирога на полу. След зуба. И бумажка. И пропавшая бутылочка.

— То есть кто-то мог взять эту бутылочку, — медленно сказала она, — и… подмешать что-то в пирог?

Андрей Викторович нахмурился: — Это уже серьёзнее. Если в составе токсичное вещество, и оно оказалось в еде…

Аркадий Семёнович побледнел: — В еде?! То есть я мог…

— Вы ничего не ели из этой коробки, — спокойно сказала Марина, хотя сама едва сдерживала дрожь. — Только кофе.

— Кофе! — вдруг вскрикнул гость. — А вдруг… вдруг они подсыпали что-то в кофе?!

Зинаида Петровна закатила глаза: — Я варила кофе. Три ложки сахара. Никакой отравы.

— Но сахар мог маскировать вкус! — не сдавался Аркадий Семёнович.

Марина закрыла глаза на секунду, чтобы не рассмеяться и не заплакать одновременно. Потом открыла и посмотрела на тётю: — Лида, а кто ещё знал про заказ? Про эту бутылочку?

Тётя задумалась: — Ну… я заказывала онлайн. И… ещё я говорила об этом Олегу. Он помогал мне разобраться с доставкой.

Все посмотрели на Олега. Тот побледнел и крепче вцепился в край стойки: — Я просто помог оформить! Я не трогал пакет! И не брал эту бутылочку!

— Спокойно, — снова сказал полицейский. — Пока мы просто собираем факты.

Барсик, устав от разговоров, подошёл к Марине, боднул её руку и громко мяукнул.

— Что? — устало спросила она.

Кот посмотрел на неё, потом на коробку, потом снова на неё — и сел, будто говоря: «Ну хоть что-то. Хоть крошку».

И тут Марина поняла: она не может просто стоять и слушать. Ей нужно двигаться.

— Так, — она выпрямилась. — Вот что мы сделаем. Андрей Викторович, вы заберёте пирог на экспертизу. И бумажку. И выясните, что было в той бутылочке. Тётя, ты вспомни, где ты заказывала, кто оформлял, есть ли переписка. Олег, проверь камеры: у вас же есть видеонаблюдение у входа и у лестницы? Зинаида Петровна, если вспомнишь ещё что-то про того человека в сером — сразу скажи. Аркадий Семёнович…

Гость замер, будто боялся, что ему поручат что-то опасное.

— Ты, — мягко сказала Марина, — просто будь внимательным. Если увидишь кого-то подозрительного — скажи. И… не пей ничего, чего не видел, как наливают.

Аркадий Семёнович кивнул с таким видом, будто ему только что доверили государственную тайну.

— И ещё, — добавила Марина, глядя на Барсика, — ты. Ты — главный инспектор. Если найдёшь ещё какую-нибудь бумажку, не тащи её в рот. Просто дай знать.

Кот моргнул, будто принял присягу.

Полицейский собрал улики, записал контакты, ещё раз предупредил, чтобы никто ничего не трогал, и ушёл. В холле снова стало тихо, но теперь тишина была другой — напряжённой, будто все ждали, что сейчас что-то щёлкнет и картинка сложится.

Тётя Лида тихо всхлипнула: — Что же теперь будет?

Марина обняла её: — Мы разберёмся. Кто-то взял эту бутылочку. Кто-то подмешал что-то в пирог. Кто-то разговаривал с погибшим у лестницы. И кто-то знал про заказ. Надо просто соединить эти кусочки.

Барсик подошёл, уткнулся носом в её ногу и тихо замурлыкал.

А Марина подумала: «И ещё надо не дать Аркадию Семёновичу объявить тревогу по всему отелю. И не дать Зинаиде Петровне уволиться от возмущения. И не дать себе поверить, что это просто кошмарный день, который скоро закончится».

Но она знала: день только начинался.

Глава 4. Дама с претензиями и тенью за спиной

После ухода полицейского холл «Уютного уголка» будто выдохнул — но не с облегчением, а так, словно собирался снова напрячься. Тётя Лида села на краешек дивана, сжимая в руках тот самый кардиган, будто он мог её удержать от падения в панику. Олег исчез в подсобке — «проверить камеры», — бросил на ходу. Зинаида Петровна, не теряя времени, уже тёрла стойку с такой силой, будто пыталась стереть само воспоминание о трупе. Аркадий Семёнович нервно ходил по периметру, бормоча: «Я же говорил… я же чувствовал…»

А Марина стояла у окна и смотрела на улицу, где по мокрому асфальту бежали отражения фонарей. Ей нужно было хоть на минуту перестать слышать все эти голоса и сложить в голове одну простую мысль: кто знал про бутылочку? Кто знал про пирог? И кто хотел, чтобы погибший оказался именно здесь, именно сейчас?

И тут дверь распахнулась — не скрипнула, не приоткрылась, а именно распахнулась, как в театре, когда на сцену выходит главная антагонистка.

На пороге стояла женщина в длинном кашемировом пальто цвета мокрого асфальта, с идеальной укладкой и таким взглядом, будто она только что выиграла невидимый спор — и теперь готова предъявить счёт.

— Лидочка, — пропела она, и даже это «Лидочка» прозвучало как оскорбление. — Ну что, опять у тебя тут какой-то бедлам? Я шла мимо и вижу — полиция, суета… Решила: надо поддержать.

Тётя Лида побледнела ещё сильнее, если это вообще было возможно.

— Инга… Что ты тут делаешь?

— Что делаю? — Инга приподняла бровь, оглядывая холл с таким видом, будто искала, к чему бы придраться. — Проходила. И, как видишь, вовремя. У тебя тут, похоже, очередной кризис. А я всегда говорила: не тяни этот отель. Он тебя съест.

Марина шагнула вперёд, инстинктивно прикрывая тётю: — Вы кто?

Инга медленно перевела взгляд на Марину — и в этом взгляде было столько холодного любопытства, что стало неуютно.

— А это кто у нас? Новая помощница? Или просто пекарь, который решил поиграть в детектива?

— Я племянница Лиды, — спокойно сказала Марина, хотя внутри всё сжалось. — И да, я пекарь. Но сейчас я ещё и та, кто пытается понять, что тут произошло.

Инга усмехнулась: — О, благородно. Но знаешь, в таких местах благородство редко спасает. Тут выживает тот, кто первым заметит, где трещит фундамент.

Зинаида Петровна, не отрываясь от стойки, буркнула: — Фундамент тут не трещит. Тут труп лежал полчаса назад.

Инга даже не посмотрела в её сторону: — Зинаида, милая, ты лучше займись тем, что умеешь. А мы с Лидой поговорим.

— Мы не будем говорить, — твёрдо сказала тётя Лида, и в её голосе вдруг появилась стальная нотка, которую Марина слышала только в детстве, когда Лида отчитывала их за разбитую вазу. — У нас тут расследование. Полиция просила никого не беспокоить.

— Полиция, — Инга снова усмехнулась. — Да они тут ничего не поймут. Тут нужны люди, которые знают, как устроен этот бизнес. А я знаю. Я ведь предлагала тебе выкупить отель, Лид. Ещё полгода назад. За хорошие деньги. Ты отказалась. А теперь вот… — она обвела рукой холл, — видишь, к чему приводит упрямство?

Марина почувствовала, как внутри всё напряглось. «Предлагала выкупить… отказалась…» Это уже не просто язвительная конкурентка. Это мотив.

Аркадий Семёнович, который до этого тихо стоял у стены, вдруг шагнул вперёд: — А вы… вы тоже знали про заказ? Про чистящие средства?

Все посмотрели на него. Инга — с лёгким удивлением, будто не ожидала, что кто-то посмеет с ней заговорить.

— Про заказ? — переспросила она. — Какой заказ?

— Чистящие средства, — повторил Аркадий Семёнович, и голос его звучал неожиданно твёрдо. — Маленькая бутылочка. С наклейкой «Не для гостей».

Инга на секунду замерла. Совсем чуть-чуть — но Марина заметила. Это было как мигание лампочки: мелькнуло и погасло, но ты уже понял, что что-то не так.

— Бутылочка? — Инга пожала плечами. — Понятия не имею. Я не занимаюсь бытовой химией. У меня клининг по договору. Профессиональный.

Но в её голосе прозвучала фальшивая лёгкость — как будто она слишком старалась казаться равнодушной.

— А про пирог вы знали? — вдруг спросила Марина.

Инга снова посмотрела на неё — теперь уже с интересом: — Про пирог? Нет. Но я слышала, что ты печёшь. И даже пробовала твои эклеры на той ярмарке. Неплохо. Но слишком сладко.

— Спасибо, — сухо сказала Марина. — Но сейчас меня больше интересует, кто мог знать про заказ. И про то, что в нём была эта бутылочка.

Инга чуть наклонила голову, будто оценивала её: — Знаешь, Марина… или как там тебя… В гостиничном бизнесе всё держится на мелочах. Кто-то что-то шепнул на ресепшене, кто-то увидел накладную… и вот уже все знают, что у конкурента проблемы. Может, кто-то из твоих сотрудников и проболтался.

Она снова посмотрела на тётю Лиду: — Или, может, ты сама кому-то сказала? Ну, не специально. Просто в разговоре…

Тётя Лида покачала головой: — Я никому… кроме Олега. И всё.

Олег, который как раз вышел из подсобки, вздрогнул: — Я никому! Честно! Только помог оформить заказ. И всё!

Инга тихо хмыкнула: — Ну-ну.

В этот момент Барсик, до сих пор тихо сидевший у ног Марины, вдруг встал, потянулся и направился прямо к Инге. Подошёл, понюхал её сапог, потом посмотрел на неё снизу вверх и громко, требовательно мяукнул.

— Это что, угроза? — холодно спросила Инга.

— Это Барсик, — вздохнула Марина. — Он всех оценивает. И, кажется, ты ему не очень понравилась.

Барсик фыркнул, будто подтверждая, и пошёл обратно к Марине, оставив на полу крошечный клок шерсти — как улику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.